

Глобализация или локализация: новая управленческая парадигма XXI века*

Бойко И. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; boyko-iv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Вызовы XXI в. приводят к необходимости изменения дискурса в научных исследованиях и формирования новой управленческой парадигмы, отражающей смену процессов глобализации мирохозяйственных связей и бизнес-процессов их локализацией. В статье дается обзор научных публикаций по вопросам, связанным с глобализацией и причинами начавшейся деглобализации экономики, усилением торгового и технонационализма, влиянием разрушительных последствий пандемии COVID-19 на мировую экономику и глобальную цепь поставок, определяется объективность локализации экономического развития и бизнес-процессов, в том числе по причине ухудшения глобальной экологической ситуации и изменения климата. Приводятся мнения зарубежных исследователей о необходимости смены управленческой парадигмы и формирования нового теоретического мейнстрима, отражающего реальные сдвиги в мировой экономике.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, локализация, управленческая парадигма, экологический кризис, разрушение глобальной цепи поставок, торговый протекционизм, технонационализм

Для цитирования: Бойко И. В. Глобализация или локализация: новая управленческая парадигма XXI века // Управленческое консультирование. 2022. № 1. С. 64–75.

Globalization versus Localization: The New Management Paradigm of 21st Century

Irina V. Boiko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; boyko-iv@ranepa.ru

ABSTRACT

The 21st century challenges and the erosion of the global economic and business networks makes it urgent the rethinking of the main scientific research discourse in management. The article provides the overview of the scientific publications, dedicated to the globalization of the world economy and the main causes of the upcoming deglobalization. It is highlighting the impact of the strengthening trade and techno nationalism as well as the COVID-19 pandemic consequences on the world economy in general and the creation of global value chains in particular. It is also explains the imperative of economic and business processes localization by the degradation of the global environment and climate change. Some authors state that the new theoretical mainstream and a paradigm of management is needed to reflect the realities of the substantial transitions in the global economy.

Keywords: Globalization, deglobalization, localization, paradigm of management, ecological crisis, the global supply chain disruption, trade protectionism, techno-protectionism

For citing: Boiko I. V. Globalization versus Localization: The New Management Paradigm of 21st Century // Administrative consulting. 2022. N 1. P. 64–75.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Глобализация и ее положительный вклад в развитие мировой экономики

К концу XX в. интернационализация мировой экономики практически завершилась созданием глобальной системы хозяйствования. Marija Radulović и Milan Kostić [31] утверждают, что перемещение капитала, рабочей силы и товаров между странами стало осуществляться практически беспрепятственно, что привело к созданию «экономики без границ». В значительной степени глобализации экономики способствовало развитие таких форм интеграционного взаимодействия, как создание свободных экономических зон, таможенных союзов, различных межстрановых ассоциаций. Вне всякого сомнения, в значительной степени процессу глобализации как единой системы хозяйствования способствовало создание Всемирной торговой организации (ВТО), которая была создана в 1995 г. и стала преемницей Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ).

Глобализация стала реальностью, определяющей условия экономической деятельности во многих странах мира. Однако до настоящего времени концептуально завершенных форм глобализация не приобрела. Так, согласно Gilpin [17] глобализация представляет интеграцию мировой экономики, а Avinash [2] определяет глобализацию как интеграцию национальных экономик, «экономику без границ». Глобализация представляет собой многоаспектный процесс, в который включены не только экономические, но также политические, социальные и многие другие процессы. Waters [42] вообще под глобализацией понимает социальный процесс, при котором исчезают пространственные границы для проведения социальных и культурных мероприятий. Dreher [12] предлагает рассматривать глобализацию в трех измерениях: 1) экономическая глобализация, характеризующаяся потоками товаров, капитала и услуг, а также информации между странами в рамках рыночного взаимодействия; 2) политическая глобализация, характеризующаяся интеграционными процессами в международной политике; 3) социальная глобализация, которая выражается в распространении идей, информации, а также в международной мобильности населения. На наш взгляд, глобализация — это процесс, который означает свободное трансграничное перемещение потоков товаров, капитала, информации и человеческих ресурсов, создающий особые преимущества для производителей и потребителей, но, в то же время, ограничивающий возможности национальных правительств по регулированию экономики своих стран, что означает частичную потерю экономического суверенитета.

Глобализация несомненно способствовала росту мировой экономики в результате значительного расширения масштабов производства и торговли, чему в немалой степени способствовало свободное перемещение факторов производства между странами. Различие между странами, а также значительная отдаленность между производителями и потребителями перестали играть существенное значение для принятия инвестиционных решений. Возник даже термин, обозначающий данный процесс как «смерть расстояния» [6], «страна происхождения уже не имеет значения. Местонахождение головного офиса не имеет значения. Товары, за которые вы отвечаете, и компания, в которой вы служите, денационализированы» [26, с. 94].

К началу XXI в. практически завершился процесс пространственно-географической и организационной конфигурации глобальной цепи поставок [37]. В итоге, по образному выражению Jack Welch, бывшего генерального директора General Electric, мировая экономика стала похожа на «экономику баржи», на которой может быть размещен любой завод, перемещающийся во времени и в пространстве в целях использования преимуществ различных стран мира в более дешевой рабочей силе, налоговых и иных льготах, выгодной курсовой разницы между валютами и т. д. [39, с. 51–52].

Важно признать и тот факт, что глобализация, с одной стороны, способствуя объединению ресурсов, в том числе инновационных и интеллектуальных многих стран мира, с другой стороны, усилила конкуренцию между ними. Положительным эффектом стал рост производительности труда и повышение уровня жизни населения во многих странах мира [11].

Глобализация является объективным процессом, высшим уровнем в развитии мировой экономики, эволюционировавшей от экономики замкнутых, натуральных хозяйств, через развитие торговых отношений между странами и интернационализации экономических связей до формирования глобальной системы хозяйствования.

Проблемы мирового экономического развития, вызванные глобализацией

С глобализацией связаны процессы, которые усиливают экологические, экономические, социальные и политические дисбалансы в обществе.

Глобализация отражает сложившийся международный экономический порядок, центром которого, ядром являются США. Сегодня, как утверждает Thomas I. Palley, «международный экономический порядок, на котором зиждется неолиберальная глобализация, сталкивается с множественным экономическим, политическим и геополитическим противоречиям» [39, с. 50].

По мнению некоторых исследователей, кризис глобализации связан с потрясениями XXI в., такими как: 1) финансовые кризисы 2000–2002 гг. и 2007–2009 гг.; 2) исламский терроризм, в том числе взрывы небоскребов в США в сентябре 2001 г.; 3) масштабный рост нелегальной миграции в Европе; 4) негативные для рынков труда в США и в Европе последствия вывода производственных мощностей в Китай [36].

Глобализация оказывает ряд негативных эффектов на экономику и бизнес. Об углублении неравенства между странами в процессе глобализации, а также об усилении внутренних противоречий утверждают [44]. Усиливается дискриминация малых и средних компаний со стороны крупных компаний. О фактической узурпации экономической власти крупными компаниями утверждает Roy Smith [36].

Многие эксперты также отмечают тот факт, что особенные преимущества от глобализации мирохозяйственных связей получают не развитые страны Европы и Америки, а Китай, что является одной из причин сокращения рабочих мест и замещения национального производства товаров китайским импортом в этих странах [36]. Китай извлек выгоду из глобализации и укрепил свою экономику. Это привело к снижению экономического влияния США в мире по следующим причинам. Во-первых, глобализация привела к снижению промышленного потенциала США. Во-вторых, в результате доступа к новым технологиям и развития промышленности Китай существенно нарастил свой военный потенциал. В-третьих, Китай фактически установил контроль над глобальной цепью поставок. В-четвертых, неолиберальная глобализация создала благоприятные условия для положительного сальдо китайского внешнеторгового баланса, что, в свою очередь, обеспечило Китаю приток иностранной валюты [36, с. 434]. О проблемах занятости, понижении среднего уровня заработной платы и связанным с этим ростом социального напряжения в США в связи с «глобализационными» преимуществами Китая утверждает также Thomas I. Palley [39]. Roy Smith обвиняет Китай в потере половины из 6 млн рабочих мест, которые были сокращены в США за период с 2000 г. по 2019 г. [36, с. 435–436].

Одним из негативных последствий глобализации для мирового экономического развития является усиление сырьевой составляющей в торговле между странами. И поэтому рост объемов мировой торговли, с которым связывают позитивный

эффект глобализации, во многом связан с ростом цен на сырьевые товары. Как утверждают Subramanian и Kessler, рост цен на углеводородное сырье привел, с одной стороны, к росту стоимостных показателей экспорта, а с другой стороны, способствовал росту стоимостных показателей импорта, поскольку страны-экспортеры сырья стали импортировать больше товаров и услуг [38].

Существенный негативный эффект глобализация оказывает на состояние окружающей среды, являясь причиной ее стремительной деградации [25]. О разрушительном влиянии глобализации на окружающую среду заявляют многие экономисты, утверждая, что ориентация на денежно-кредитные показатели, чрезмерное потребление и негативное влияние на общественное мнение средств массовой информации приводит к деградации окружающей среды и наносит непоправимый ущерб жизни местного населения [20; 28, с. 207].

Однако несмотря на то, что в последние годы принимаются меры по сдерживанию негативных процессов в окружающей среде, таких, к примеру, как изменение климата, значительное сопротивление крупных компаний не позволяет достичь положительного результата [39, с. 52]. Это приводит некоторых исследователей к выводу о том, что разработка стратегии устойчивого развития в условиях глобализации неэффективна, даже, более того, деструктивна и необходимы радикально иные решения, такие, к примеру, как локализация бизнеса [28, с. 208].

Деглобализация и локализация экономических процессов

Деглобализация означает обратный глобализации процесс мирового общественного развития. Концептуально этот процесс, хотя и становится предметом исследования во многих странах мира, не завершен. На наш взгляд, с экономической точки зрения деглобализация представляет собой процесс разрушения единого экономического пространства, характеризующийся стихийными процессами нарушения свободного перемещения товаров, капитала и трудовых ресурсов между странами. Признаками экономической деглобализации являются торговые войны, выход стран из единых интеграционных союзов (феномен Brexit), ограничения на свободу перемещения капитала и рабочей силы, неэффективное функционирование глобальных экономических институтов. Важно понимать, что процесс деглобализации начался еще до пандемии COVID-19, оказывающей сегодня разрушительное воздействие на развитие мировой экономики. Так, еще во времена руководства страной Д. Трампа США развернули свою экономическую политику в сторону снижения дефицита внешнеторгового баланса, провозгласив политику *America first*, Великобритания завершила процесс выхода из ЕС в рамках политики «Brexit» во время премьерства Бориса Джонса — и это только два примера, характеризующих процесс деглобализации [23].

Некоторые авторы отмечают рост числа межстрановых, региональных торговых соглашений (*regional trade agreements (RTAs)*), что оказывает разрушающее влияние на глобальную торговлю. В то же время Всемирной торговой организации, демонстрирующей все возрастающую неэффективность своей деятельности, сдержать этот процесс не удается [44].

Деглобализация мировой экономики приводит к локализации экономической деятельности. Процесс начавшейся локализации активно обсуждается международным научным сообществом. Локализация связана со стремлением регионов к самостоятельности в обеспечении собственных потребностей за счет использования преимущественно местных ресурсов. Что, в свою очередь, снижает потребность в международной торговле, участии в глобальном перераспределении производственных ресурсов и наднациональном регулировании экономической деятельности [28, с. 207].

Ряд зарубежных авторов признает объективность процесса локализации экономической жизни, утверждая, что этот, в некотором смысле новый, тренд способствует улучшению жизни и здоровья населения, способствует достижению социальной гармонии, улучшает состояние окружающей среды [36, с. 436].

На локализацию оказывают влияние следующие факторы: 1) деглобализация; 2) усиление регионализации; 3) реконфигурация цепочки создания стоимости [9]. Под влиянием этих процессов меняется дискурс национальной политики [10; 15; 19].

Однако некоторые авторы считают, что локализация — это отступление от главного тренда в развитии мировой экономики и политики, связывая этот, на наш взгляд, объективный процесс с проявлением национального популизма, «эскалация экономического национализма [в самом начале 1980-х гг.] — это просто последний вздох умирающего устаревшего института» [25]. И «националистическая политика часто приводит к протекционистским правилам торговли и другим регулирующим действиям, неблагоприятным для глобализации. Эти правила обычно предназначены для ограничения потока импортных товаров с целью защиты и поощрения производства отечественных товаров и услуг» [18].

Другие исследователи, напротив, считают, что локализация бизнеса — это путь к обновлению интеграционного взаимодействия между странами, «локализация не означает изоляцию отдельных сообществ друг от друга, а создание новой устойчивой основы для их взаимодействия [28, с. 207]. Локализация представляет собой важную стратегию устойчивости, которая направлена на сокращение тяжелого социально-экологического эффекта от экономической глобализации [Там же], что отражает адаптацию общества к усилению вызовов, создающих угрозу жизнедеятельности человека, таких как изменение климата. Этот процесс способствует росту самообеспеченности населения, улучшает социально-экологическую обстановку, снижает неравенство в доходах между различными слоями общества, устраняет несправедливо полученные отдельными странами преимущества в торговле и, в целом, способствует решению многих экономических и социальных проблем [Там же]. Объективность локализации экономической жизни ряд авторов также связывает с необходимостью повышения устойчивости развития в условиях значительных глобальных вызовов [Там же]. Так, локализация может значительно сократить тот негативный эффект, который оказывает глобализация на состояние окружающей среды [Там же].

Несмотря на противоречивость в экспертных оценках природы и перспектив локализации мировых бизнес-процессов она уже набирает обороты в некоторых странах и отраслях экономики, например, в сельском хозяйстве. Так, к примеру, в Канаде повышается потребительский интерес к приобретению местных фермерских продуктов, что стимулирует развитие малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве [3], несмотря на жесткую конкуренцию с крупными компаниями, ориентированными на масштабное производство и сбыт продукции, в том числе на экспортных рынках [там же]. Некоторые эксперты отмечают такие недостатки крупного аграрного производства, как использование пестицидов и других химикатов, избыточное потребление топлива, интенсивное использование почвы, наносящее ей значительный ущерб [13]. Поэтому в основе растущей поддержки местного фермерства не столько монетизируемые интересы потребителей и местной администрации, сколько потребности в преодолении деградации окружающей среды, стремление к преодолению социального неравенства [43].

Некоторые авторы подчеркивают неизбежность локализации бизнес-процессов при переходе к инновационной экономике, когда малые и средние инновационные предприятия, вовлеченные в кластерное развитие инновационных процессов, взаимодействуют с региональными университетами, местными специалистами и учеными, исследовательскими лабораториями и местной администрацией [33].

На наш взгляд, следует признать объективность процессов локализации экономической жизни. Среди множества объективных причин усиление данного тренда обусловлено растущей потребностью в структурной перестройке глобальной экономики как единственного ответа на серьезные вызовы, создающие угрозу жизнедеятельности человека. Важно понимать, что структурная перестройка имеет не только отраслевое, но и пространственное содержание. И в этом смысле локализация бизнес-процессов может означать начало перестроечных процессов в отдельных регионах мира как основы для последующего структурного изменения национальной и глобальной экономики. Такое понимание реальности требует разработки новой парадигмы управления экономическими процессами, суждения ведущих зарубежных исследователей по поводу которой мы приведем далее.

«Вклад» пандемии COVID-19 в деглобализацию и локализацию экономики

Пандемия COVID-19 не является причиной практически повсеместного усиления локализации экономических процессов, но она стала их триггером, ускорителем, обнажив наиболее уязвимые звенья в глобальной системе торгово-экономических отношений [9].

Последствия пандемии неравномерно ложатся на экономику различных стран мира. К наиболее пострадавшим следует отнести страны, ориентированные на торговлю сырьевыми товарами. К такому выводу приходят авторы, анализирующие влияние пандемии COVID-19 на экономику африканских стран, «по мере того, как нарастают последствия пандемии, становится ясно, что модель развития, основанная на экспорте сырьевых товаров, достигла своего предела» [41].

Пандемия привела к объективному усилению процессов локализации бизнеса. «Внутренние рынки нестабильны. Внешние рынки еще более нестабильны, а непредсказуемость прибыльности от международных операций стала намного выше, чем в предшествующие периоды, не связанные с пандемией. Эти тенденции объединяют участников внутренних рынков, что приводит к росту националистических интересов» [30]. К примеру, пандемия усилила стремление многих развитых стран защитить свои внутренние рынки от экономической экспансии Китая. Особенно это касается технологически сложных товаров, что привело к появлению термина, отражающего технологический протекционизм — «технонационализм» [5]. Протекционистская защита своих национальных компаний от китайского экономического нашествия стала приоритетом в правительственной политике США, ЕС и некоторых других стран, что, конечно же, противоречит принципам глобализации бизнеса и торгово-экономических отношений между странами» [9, с. 5–6]. Не прошла проверку на качество в условиях пандемии и деятельность международных организаций, призванных обеспечивать стабильность мировой торгово-экономической системы. С критикой в адрес ООН и МВФ выступил премьер-министр Канады Джастин Трюдо в своем обращении к Организации Объединенных Наций, 25 сентября 2020 г. [40].

Серьезное разрушительное воздействие на сложившуюся глобальную систему взаимодействия оказывает кризис, который называют разрушением глобальной цепи поставок (global supply chain disruption). Этот кризис начался в первой половине 2020 г. в связи с закрытием на карантин экономики Китая, на который приходится пятая часть мирового валового продукта [24]. В отличие от предыдущих проблем, которые периодически возникали в глобальной цепи поставок, данный кризис затронул все ее звенья, всех логистических участников и практически одновременно. Так, по оценкам, 94% всех компаний из списка Fortune 1000 столкнулись с нарушением цепочки поставок во время пандемии. Кроме того, необходимость изменения конфигурации цепей поставок связана и с усилением торговых противо-

речей между США и Китаем. Что, к примеру, привело к тому, что компания Apple разделила свои поставки на те, которые предназначены для китайского рынка, и те, которые предназначены для других стран. Именно это расщепление глобальных цепочек, по мнению некоторых экспертов, способно сохранить бизнес во все более хаотично развивающейся среде [4, с. 173].

На функционирование глобальной цепи поставок негативное влияние оказали также такие процессы, как закрытие границ, дефицит рабочей силы, трудности поставки товаров, особенно на отдаленные рынки и т. д. [29]. Из-за такого многомерного воздействия на цепочки поставок, а также других экономических и финансовых проблем пандемия, вероятно, окажет серьезное влияние на всю международную торговлю [7]. Будущее цепочек добавленной стоимости после COVID-19 будет определять будущее всех стран. Растущий протекционизм и национализм, в том числе забота о промышленном суверенитете, указывают на растущую значимость региональных и внутренних производственно-сбытовых цепочек [27, с. 2].

Препятствия дальнейшей глобализации создают и значительные трудности по свободному перемещению трудовых ресурсов между странами. В период, предшествовавший пандемии, вопросы размещения заграничных филиалов и реализация планов, связанных с прямыми зарубежными инвестициями, сопровождались активным перемещением менеджеров из одних стран в другие. Поскольку в современных условиях такое перемещение крайне затруднено, и, кроме того, работники сталкиваются с дополнительными рисками, связанными с доступностью медицинской помощи, вакцин, многие компании пересматривают свои глобальные бизнес-стратегии. О значительных трудностях, возникших для многонациональных компаний в связи с ограничениями по свободному перемещению сотрудников между странами в условиях пандемии COVID-19 и, как следствие, необходимости репатриации своих сотрудников заявляют Collings и Sheeran [8, с. 79]. В этой ситуации окончательные последствия значительного сокращения личных контактов, непосредственного офлайн-обсуждения и координации действий для бизнеса до конца неизвестны.

Особенно опасным для поддержания глобальной продовольственной безопасности представляется введение ограничений на перемещение сезонных сельскохозяйственных рабочих, перебои в грузоперевозках, усиленный санитарный контроль и введение дополнительного досмотра транспортных средств на таможенных границах. Все это, как заявляют эксперты ФАО, приводит к росту цен на продовольствие и снижению его доступности для населения. Более того, пандемия вынудила некоторые страны ввести экспортные ограничения, чтобы защитить своих потребителей. Такие торговые трения могут также повлиять на мировые цены на продовольствие [14, с. 1068].

Под давлением данных проблем крупные многонациональные компании начали процесс переосмысления своей стратегии развития. Многие из них встали перед выбором: начать возвращение бизнеса в свои страны или переместить бизнес в другие страны, такие как Вьетнам, Индия, Индонезия или Мексика [9, с. 6]. Другие компании идут по пути сокращения фактора «расстояние» в цепях поставок, направляют свои усилия на повышение доверия между поставщиками и потребителями и стремятся к «регионализации» своих бизнес-процессов (The Economist, 2019). Enderwick и Buckley [15] также подтверждают, что сокращение пространственно-географической удаленности от страны-происхождения капитала позволит лучшим образом координировать процессы в цепях поставок, что снизит уровень неопределенности и сократит риски. Кроме того, реформатирование глобальной цепи поставок и сокращение «транспортного плеча» становится императивом в условиях изменения климата [19].

Многие фирмы еще до пандемии стали проявлять интерес к локализации некоторых бизнес-процессов. Это было связано со стремлением к сокращению вре-

мени, затрачиваемого на выполнение заказа, для чего стали привлекаться местные аутсорсинговые компании [35, с. 7]. Другие авторы утверждают, что многие компании рассматривают стратегию, ориентированную на сокращение цепи поставок и снижение числа партнеров как необходимость подготовки к следующему серьезному кризису [7, с. 13]. Кроме того, установление новых партнерских отношений в пределах географической близости, повышение доверия и улучшение взаимоотношений с поставщиками могут обеспечить компаниям более быстрое восстановление после пандемии, а также повысить их устойчивость в случае новых испытаний [7, с. 13–14]. Oldekor, Johan и др. утверждают, что крах стратегии успеха, когда многонациональные компании использовали инновационные ресурсы во многих странах мира для достижения своего корпоративного результата, а также растущие риски и неопределенность затрудняют управление бизнес-процессами. COVID-19 приводит к пониманию необходимости решительных действий на региональном и национальном уровнях, а также многостороннего сотрудничества для обеспечения целей общественного развития [27, с. 3].

В силу перечисленных выше факторов локализация экономических процессов становится все более очевидной. Пока это стихийный процесс, но в его основе объективные, а не спонтанные и краткосрочные причины. Такие процессы, как рост национализма, популизм и пересмотр экономической эффективности в сравнении с потребностью в повышении устойчивости экономического развития, создают почву для атомизированного мира [32]. Многонациональные компании будут принимать различные меры по сдерживанию данных процессов. Но новые задачи должны быть поставлены и перед научным сообществом [9, с. 5].

Пандемия COVID-19 ускорила процессы разрушения сложившейся после Второй мировой войны глобальной экономической системы, выявила несоответствие парадигмы управленческих решений нестандартным ситуациям и жестким вызовам 20-х годов XXI в. Начался стихийный процесс поиска новых ориентиров для национальной экономической политики в разных странах мира и новых стратегий бизнеса частными компаниями, попавшими под «перекрестное» влияние различных глобальных вызовов: от изменения климата и растущих торговых противоречий между странами до последствий коронавирусной пандемии и разрушения глобальной цепи поставок.

Новая глобальная управленческая парадигма в XXI веке

Еще в период глобального экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., наиболее прогрессивные экономисты пришли к выводу о необходимости изменения экономического мировоззрения, даже философии принятия управленческих решений. Существующие теории критиковались за их абстрактное, отвлеченное от реальных экономических процессов, содержание, описательный и линейный характер, не позволяющий улавливать возможные системные проблемы и прогнозировать будущее развитие (Hung-Gay Funga¹, Jr-Ya Wub, Jot Yauc. 2011:30–32). Возникает потребность в принятии не столько таких решений, которые поддаются количественному измерению, сколько решений качественных, определяющих саму суть изменений. Поэтому, принятие корпоративных решений с опорой на финансовые модели в современных условиях неэффективно и этот подход требует глубоких изменений [16, с. 42–45]. Многие исследователи заявляют о необходимости нелинейного мышления при принятии управленческих решений, отказа от слепой веры в действенность финансово-экономических моделей, неэффективности стандартных решений в складывающихся нестандартных условиях [16, с. 44].

Существенных изменений требует потребительская концепция экономического развития, то есть ориентация на удовлетворение растущего спроса населения

и предприятий. Максимальное удовлетворение спроса уже уходит на второй план при стремлении людей к обеспечению целей цивилизационного характера [28, с. 655]. В новой глобальной управленческой парадигме должно найти отражение стремление к поддержанию общечеловеческих ценностей и нацеленность на решение проблем, угрожающих жизни всего общества. Пандемия COVID-19 обострила четыре основных вызова, требующих изменения парадигмы глобального развития: изменение климата, всеобщий рост задолженности, разрушение глобальной цепи поставок и цифровизация [27, с. 2]. Новый экономический порядок и новая парадигма принятия управленческих решений необходимы как ответ общества на технологические, социально-политические и институциональные изменения [18].

Императивность новой управленческой парадигмы как одной из основ формирования нового глобального экономического порядка в современных условиях во многом диктуется разрушением глобальной цепи поставок и, в более широком плане, глобальной цепи создания добавленной стоимости. Пандемия COVID-19 привела к пониманию переосмысления самих основ, на которых традиционно строилось управление цепями поставок. Это свидетельствует о том, что «пандемия изменила рыночную логику, сформированную в условиях стабильности, предсказуемости и определенности на понимание постоянной неопределенности, энтропии и непредсказуемости» [4, с. 173].

Пересмотру подлежит и парадигма государственного управления. Некоторые эксперты утверждают о крахе «парадигмы тысячелетия». «Это был способ управления, созданный для условий стабильности, основанный на ошибочном предположении, что спокойствие является обычным положением вещей» [21].

Пересмотру подлежат фундаментальные понятия о труде, бизнесе, лидерстве, предпринимательстве и потреблении, на которых строится существующая управленческая парадигма. Некоторые авторы заявляют о том, что мир находится на переломном этапе и, возможно, появится новый план развития наподобие плана Маршалла, принятого после Второй мировой войны для восстановления пострадавших в ее ходе стран. Эксперты называют три предметные области: поведение потребителей, управление цепочкой поставок и политическая корпоративная социальная ответственность, которые потребуют фундаментального пересмотра для формирования новой парадигмы «ведения бизнеса в новых условиях». Наступает время формирования новой повестки для деловых и управленческих исследований в Европе и за ее пределами [4, с. 171].

Должны быть изменены критерии принятия эффективных управленческих решений. И если до пандемии к таким критериям относились, прежде всего, доступ к природным ресурсам, к высококвалифицированным кадрам и трудовым ресурсам, что обеспечивалось в результате глобализации бизнеса и формирования глобальной цепи поставок, то в современных, нестабильных и непредсказуемых условиях требуются абсолютно иные критерии. «Глобальные цепи поставок были сформированы в условиях предсказуемости и стабильности. Длительная предсказуемость развития мировых рынков привела к построению цепей поставок на принципах снижения производственных затрат, доступа к природным ресурсам и квалифицированной рабочей силе. В условиях рыночной турбулентности, нарастающей рыночной неопределенности и непредсказуемости основными критериями при создании цепей поставок становятся их устойчивость в таких сложных условиях и снижение риска. Основным дестабилизирующим для глобальных цепей поставок фактором становятся не геополитические противоречия или торговые войны, а явления, находящиеся вне контроля со стороны общества. При формировании цепей поставок наибольшее значение приобретает устойчивость даже при условии высоких затрат» [4, с. 174].

«Сегодня миру, как и в 40-е годы прошлого столетия, необходима новая управленческая парадигма. Важнейшим требованием становится обеспечение безопасности жизнедеятельности человека. Отсутствие такой парадигмы может привести к тому, что мир станет еще более уязвимым по отношению к изменению климата, будущим пандемиям и нарушению демократических принципов в различных странах» [34, с. 1].

Таким образом, непредсказуемые и значительные по своей разрушительной силе процессы, которым подвергается мировая экономика, усиливающиеся глобальные вызовы, к которым прежде всего относится деградация окружающей среды и стихийно проявляющиеся новые тренды, такие, как локализация, в развитии национальных экономик и бизнеса значительно актуализируют необходимость разработки новой управленческой парадигмы в XXI в.

Литература/References

1. Ansgar B., Daniel G. The slowdown in trade: end of the “globalisation hype” and a return to normal? // *Journal of economics and finance*. JEF. New York : Springer. 2021. Vol. 45. N 2. P. 225–239. DOI:10.1007/s12197-019-09498-0.
2. Avinash J. Background to globalization. Mumbai : Center for Education and Documentation. 2000.
3. Beingessner N., Fletcher A. “Going local”: farmers’ perspectives on local food systems in rural Canada // *The Agriculture, Food, & Human Values Society (AFHVS)*. 2020. Vol. 37 (1). P. 129–145. DOI: 10.1007/s10460-019-09975-6.
4. Boysen Th. At the boundary: Post-COVID agenda for business and management research in Europe and beyond // *European Management Journal*. 11 January, 2021. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.emj.2021.01.003>.
5. Buckley P.J., Casson M.C. *The future of the multinational enterprise*. London : Homes and Meier Press, 1976.
6. Cairncross F. *The Death of Distance: How the Communications Revolution is Changing our Lives*. Boston : Harvard Business School, 1997
7. Chowdhury at al. COVID-19 pandemic related supply chain studies: A systematic review // *Transportation Research. P. E. Logistics and Transportation Review*. Elsevier. 2021. Vol. 148 (C). DOI: 10.1016/j.tre.2021.102271.
8. Collings D., Sheeran R. Research insights: Global mobility in a post-covid world // *The Irish Journal of Management*. Sciendo. 2020. Vol. 39 (2). P. 77–84. DOI: 10.2478/ijm-2020-0002.
9. Delios A., Perchthold G., Capri A. Cohesion, COVID-19 and contemporary challenges to globalization // *Journal of World Business*. 2021. Vol. 56 (3). Research Collection Lee Kong Chian School Of Business. DOI: 148376265.
10. Devinney T.M., Hartwell C.A. Varieties of populism // *Global Strategy Journal*. 2020. Vol. 10 (1). P. 32–66.
11. Dimitrijević M.M. *Strane direktne investicije kao nosioci procesa globalizacije*. Doktorska disertacija. Ekonomski fakultet Univerziteta u Nišu. 2016.
12. Dreher A. Does Globalization Affect Growth? Empirical Evidence from a new Index Globalization // *Applied Economics*. 2006. Vol. 38. N 10. P. 1091–1110. DOI: 10.1080/00036840500392078.
13. Dukeshire S. at al. Beliefs, attitudes, and propensity to buy locally produced food // *Journal of Agriculture, Food Systems, and Community Development*. 2010. Vol. 1 (3). P. 19–29.
14. Elleby Ch., Domínguez I.P., Adenauer M., Genovese G. Impacts of the COVID-19 Pandemic on the Global Agricultural Markets // *Environmental & Resource Economics*, Springer; European Association of Environmental and Resource Economists. 2020. Vol. 76 (4). P. 1067–1079. DOI: 10.1007/s10640-020-00473-6
15. Enderwick P., Buckley P.J. Rising regionalization: Will the post-COVID-19 world see a retreat from globalization? // *Transnational Corporations*. 2020. Vol. 27 (2). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3692317>.
16. Fungal H., Wub J-Y., Yauc J. Toward a New Paradigm for Corporate Financial Management in the Wake of the Global Financial Crisis // *International Review of Accounting, Banking and Finance*. 2011. Vol. 3. N 3. P. 27–47.
17. Gilpin R. *Global Political Economy: Understanding the international Political economic order*. Princeton : Princeton University Press. 2001

18. Hitt M., Holmes R., Jean-Luc M. The (COVID-19) pandemic and the new world (dis)order // *Journal of World Business*. Elsevier. 2021. Vol. 56 (4). DOI: 10.1016/j.jwb.2021.101210.
19. Hitt M.A., Holmes R.M., Arregle J.-L. (2021). The pandemic and the new world (Dis)order // *Journal of World Business*. Forthcoming. 56. 101210. 10.1016/j.jwb.2021.101210.
20. Horner R., Hulme D. From international to global development: New geographies of 21st century development // *Development and Change*. 2019. Vol. 50 (2). P. 347–378. DOI: 10.1111/dech.12379.
21. Hu Shiwei, Zhang Yuyao. 2021. COVID-19 pandemic and firm performance: Cross-country evidence // *International Review of Economics & Finance*. Elsevier. Vol. 74 (C). P. 365–372. DOI: 10.1016/j.iref.2021.03.016.
22. *International Business*. Routledge, Abingdon UK & New York. P. 60–77.
23. Knight E., Jones A., Gertler M. The public university and the retreat from globalisation: An economic geography perspective on managing local-global tensions in international higher education // *First Published*. December 8, 2020. Research. DOI: 10.1177/0308518X20959082.
24. McWilliam S. E., Kim J. K., Mudambi R., Nielsen B. B. Global value chain governance: Intersections with international business // *Journal of World Business*. 2020. DOI: 10.1016/j.jwb.2019.101067.
25. Michie J. (ed.). *The Handbook of Globalization*. Cheltenham, 2019. DOI: 10.4337/9781788606.
26. Ohmae K. *The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy*. New York : Harper Press, 1990. Revised version published in 1999.
27. Oldekop J., Horner R., Hulme D., Adhikari R. at al. COVID-19 and the case for global development // *World Development*. Elsevier, 2020. Vol. 134 (C). DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105044.
28. Olivier M., Wilson B., Howard J. Measuring Localisation Nationally to Form a Global Index // *Ecological Economics*. July 2017. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2017.03.011.
29. Paul S. K., Chowdhury P. A production recovery plan in manufacturing supply chains for a high-demand item during COVID-19. *Int. J. Phys. Distrib. Logist. Manag.* 2020. Ahead-of-print: 1–22. DOI: 10.1108/JPDLM-04-2020-0127.
30. Perlmutter H.V. The tortuous evolution of the multinational corporation // *The Columbia Journal of World Business*. 1969. Vol. 4. P. 9–18.
31. Radulović M., Kostić M. Globalization and economic growth of Eurozone economies // *Zb. rad. Ekon. fak. Rij.* 2020. Vol. 38. N 1. P. 183–214. DOI: 10.18045/zbfri.2020.1.183.
32. Rodrik D. Populism and the economics of globalization // *Journal of International Business Policy*. 2018. Vol. 1 (1–2). P. 12–33.
33. Rydehell H., Isaksson A., Löfsten H. Business networks and localization effects for new Swedish technology-based firms' innovation performance // *The Journal of Technology Transfer*. Springer, 2019. Vol. 44 (5). P. 1547–1576. DOI: 10.1007/s10961-018-9668-2.
34. Shah R. A New Development Model for a World in Crisis // *Foreign Affairs*. September/October 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/africa/2021-08-24/covid-charter>.
35. Sheffi Y. Enduring lessons from the COVID 19 pandemic // *Supply Chain management*. March 1, 2021 [Electronic source]. URL: https://www.scmr.com/article/enduring_lessons_from_the_covid_19_pandemic?_cf_chl_managed_tk__=pmd_bor_2bdkFVdkKcZmJ6BBJlsonCdnVce0NVUKdqXYgo-1635850489-0-gqNtZGzNAyWjcnBszQiR (accessed: 12.12.2021).
36. Smith R. C. Will Populism Kill Globalization? // *Independent Review*. 2019. Vol. 24. N 3. P. 433–440.
37. Strange R., Magnani G. (2017). Outsourcing, offshoring and the global factory // *The Routledge Companion on International Business and Economic Geography* / eds. Cook G., McDonald F. Routledge, London : The new Globalization, Going beyond the Retic. P. 1–10.
38. Subramanian A., Martin K. The Hyperglobalization of trade and its future // *PIIE*, working paper. Peterson Institute for International Economics, Washington/DC, July. N 13–6.
39. Palley Th.I. The Fracturing of Globalization: Implications of Economic Resentments and Geopolitical Contradictions // *Challenge*. 2019. Vol. 62. N 1. P. 49–66. DOI: 10.1080/05775132.2019.1574961.
40. Trudeau J. Speech to the United Nations assembly // *Canadian Broadcasting Corporation*. September 25 [Electronic source]. URL: <http://www.cbc.ca/news/politics/trudeau> (accessed: 12.12.2021).
41. Wamkele Mene. African growth: a new model for a post-COVID-19 world // *International trade center*. 21 Sept. 2020 [Electronic source]. URL: <https://www.intracen.org/news/African-growth-A-new-model-for-a-post-COVID-19-world> (accessed: 12.12.2021).
42. Waters M. *Globalization*. London : Routledge, 1995.
43. Weis T. The accelerating biophysical contradictions of industrial capitalist agriculture // *Journal of Agrarian Change*. 2010. Vol. 10 (3). P. 315–341.

44. Xiaohua B., Xiaozhuo W. The Evolution and Reshaping of Globalization: A Perspective Based on the Development of Regional Trade Agreements // China and World economy. 15 January, 2019 [Electronic source]. URL: <https://doi.org/10.1111/cwe.12267> (accessed: 12.12.2021).

Об авторе:

Бойко Ирина Викторовна, профессор кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; ivboyko@mail.ru

About the author:

Irina V. Boiko, Professor of the Chair of the Customs Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy); ivboyko@mail.ru